

Хачиров Сослан Солтанович

"МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ": РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЖИЗНИ МОЛОДЁЖИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920-Е ГОДЫ

В статье, подробно изучив публикации региональной печати 1920-х гг., автор анализирует уровень молодежной религиозности в Северной Осетии, её формы. Исследуется первое поколение молодёжи СССР, растущей в условиях религиозной семьи и атеистического государства, а также способы влияния последнего на молодёжь.

Показывается разнообразный религиозный ландшафт республики в рассматриваемое время. Большое внимание уделено антирелигиозной деятельности комсомола и Союза безбожников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 188-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SCIENTIFIC THINKING STYLE UNDERSTANDING PROBLEM

Ustyugov Viktor Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy
Siberian Federal University
ystugov@gmail.com

Basing on the principle of thinking and being identity the author raises the question of the possibility of applying the notion "style" to the description of scientific thinking, analyzes different variants of the answer to this question, substantiates the methodological role of the category "universal labour" for the solution to the problem of understanding scientific thinking style as the social-cultural determinant of scientific cognition, and comes to the conclusion that scientific thinking style is the product and form of the relations of science as universal labour.

Key words and phrases: scientific thinking style; identity of thinking and being; problem; universal labour; organizer of science; relations of scientific cognition; originality.

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье, подробно изучив публикации региональной печати 1920-х гг., автор анализирует уровень молодежной религиозности в Северной Осетии, её формы. Исследуется первое поколение молодежи СССР, растущей в условиях религиозной семьи и атеистического государства, а также способы влияния последнего на молодежь. Показывается разнообразный религиозный ландшафт республики в рассматриваемое время. Большое внимание уделено антирелигиозной деятельности комсомола и Союза безбожников.

Ключевые слова и фразы: молодежь; религия; сектантство; комсомол; безбожник; «отцы и дети».

Хачиров Сослан Солтанович

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
palestinec1@mail.ru

**«МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ»:
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЖИЗНИ МОЛОДЁЖИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920-Е ГОДЫ[©]**

Религия всё больше проникает в общественную жизнь, осваивая современные информационные технологии и средства коммуникаций, а «титульный» в России религиозный институт - Православная Церковь - пользуется широкой поддержкой со стороны государства и непосредственно его лидеров в лице президента и премьера, которые, несмотря на напряжённый график, уже по традиции присутствуют на наиболее значимых православных праздниках. Фактически Православная Церковь стала одним из институтов государства, заполнив собою до того пустующую нишу под названием «национальная идея».

На протяжении нескольких лет мы являемся свидетелями планомерного внедрения в общественное мнение идеи о возврате религии в стены школы, что противоречит законом любого светского государства. Политика Православной Церкви понятна, в её задачи входит возвращение своей былой мощи, попорченной советским периодом жизни нашей страны, изменившим ментальность народа по отношению к религии, а акцентом в этой борьбе и её окончательной целью вполне логично является молодежь. Эта возрастная категория наиболее подвержена изменениям и к восприятию новых тенденций. Здесь уместно провести аналогию с двадцатыми годами XX столетия, когда большевики, пришедшие к власти, много внимания уделяли молодежи и, в частности, религиозному аспекту её жизни. Разница в том, что если в современной России государство во многом заинтересовано в религиозности молодежи и привлечению её в лоно Церкви, то в стране Советов ситуация была иной. Отвлечение и отторжение молодого поколения от «религиозного дурмана» было одной из главных целей в молодежной политике государства. Но, несмотря на противоположность политик двух формаций по отношению к молодежи, в данной ситуации прослеживается одна и та же динамика - неприятие и сопротивление навязываемым сверху нормам поведения в отношении к религии.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы определить степень религиозности и её формы в среде молодежи Северной Осетии в 1920-х годах.

Советское государство в своих первых декретах ясно дало понять, что будет бороться против всех организаций религиозного толка, и так как Русская Православная Церковь, являвшаяся составной частью государственного аппарата, занимала особое место, то почти вся энергия советских функционеров была направлена именно против этой конфессии.

2 ноября 1917 года была обнародована «Декларация прав народов России». Церковь отторгалась из сфер гражданской и государственной жизни, отменялись все религиозные привилегии и ограничения. 11 декабря 1917 года очередным решением новой власти дело образования и воспитания было из духовного

ведомства передано в Наркомпрос. По этому постановлению и духовные учебные заведения передали в ведение Наркомата, который их попросту закрыл. В тот же день СНК обсудил вопрос «О мерах по ускорению отделения церкви от государства». Была создана соответствующая комиссия в составе П. И. Стучки (нарком юстиции), А. В. Луначарского (нарком просвещения), П. А. Красикова (член следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией) и священника М. В. Галкина. Уже 18 декабря был издан Декрет о гражданском браке и гражданской метрикации: церковный брак объявляется частным делом граждан [1; 9].

В средствах массовой информации 20-х годов велась широкая, планомерная борьба по вытеснению религии из общественной жизни как анахронизма, ставка в ней делалась в основном на молодёжь.

Государство наделало эту возрастную группу двумя доминантами: с одной стороны, молодёжь была объектом политики, а с другой – инструментом в руках государства. «Против бога» – так назвала свою заметку Ардонская организация РЛКСМ, где описывается «забавный», по их выражению, случай, произошедший с ребятами: «Мы ополчились против бога..., решили открыть клуб. Остановка была только за помещением. Судили, рядили и, наконец, выбор наш пал на семинарскую церковь. Но как быть? Церковь не в нашем распоряжении. Решили хлопотать... Дело тянулось, а комсомол волновался, видя такую нерешительность со стороны властей. Наконец время перешло границы терпения, и решено штурмом взять храм божий... [зайдя в церковь] Один из нас по привычке даже потянулся к шапке снять её, но сзади стоявший товарищ так захотел, что встрепенул и нас. Вызвался задор у ребят и через минуту мы были уже за работой. Грохот, шум и остроты насчёт “божьей рати” наполнили весь зал. Работа кипит...» [21].

Как можно убедиться, молодёжь выступает в роли инструмента государственной политики. То, что данная заметка была опубликована на страницах центрального печатного издания Северной Осетии, говорит о том, что власти лояльно относятся к такого рода инициативам и даже поощряют их, вырабатывая тем самым модель поведения молодёжи по отношению к религии. Но не всегда такого рода инициативы проходили безнаказанно для молодёжи, не повезло корреспондентам газеты «Растдзинад», комсомольцам Ардасенову Дзипка и Кадзову Льву: «Оба обвиняются в преступлении, т.е. от имени С/Совета, с подделкой подписей, расклеили в день праздника “Сой-Сой” (Новый год), объявления с предупреждением не проводить и не встречать праздника... Кроме того, при появлении на страницах газеты их заметки, держатся вызывающе и хвалятся “Видали мол, как вам попало”» [26, д. 2, л. 200].

Однако в борьбе с религиозным сознанием действия государства были не всегда последовательными. В той же «Горской Правде» можно найти статью под названием «РКСМ и религия», в которой говорится о сознательном отношении комсомола к религии: «Это отнюдь не обязывает нас провести внутри союза эксперименты вроде выброски сколько-нибудь верующих, а даже меньше, под влиянием семейной обстановки выполнять религиозные обряды» [21]. Тот факт, что на страницах одного и того же печатного издания публиковались взаимоисключающие тенденции, говорит об отсутствии единства среди советских служащих, отвечающих за работу с молодёжью. Политика центра доходила до окраин в искажённом виде.

Зачастую комсомольцы становились заложниками своего положения, вынужденные выбирать между личной и общественной жизнью. По традициям вступление в брак сопровождалось венчанием в церкви, и хотя в этом не было ничего противозаконного, комсомольцами и в особенности их активистами в рассматриваемое время посещение церкви было нежелательным. Передки были случаи, когда обязательным условием бракосочетания, выдвигаемым одной из сторон, было венчание в церкви. Комсомолец стоял перед непростой дилеммой; остаться в комсомольской организации и пользоваться всеми полагающимися льготами, но при этом остаться без своей второй половинки, или же обрести любовь, расставшись с соратниками и работой. Показательным в этом вопросе можно считать заседание горотдела РКСМ от 24 декабря 1922 года, посвящённое суду над членами РКСМ, венчавшимися в церкви: «Тов. Клепенин – молодой рабочий, кузнец по профессии. Родился в 1902 г., в союзе всего с окт. 1922 г. О совершённом им проступке он заявляет открыто: “Неужели вы думаете, что если меня поп венчал, то я стал другим? Нет сорок церквей пройду и останусь тем же кузнецом, и защитником интересов рабочего класса”. Тов. Медянкин – интеллигент в организации с 1920 г., занимал ряд ответственных комсомольских постов, был зав. полит. Владокрома РКСМ, венчался лишь из-за того, что, идя под венец, он напился – “Я смеялся сам над собой”... Тов. Полуобояринов выступает в защиту обвиняемых, он заявляет: “Дайте мне такую обстановку, такую атмосферу, которая бы меня учила другому”. В дальнейших словах тт. Фрола, Козлова, Бессолова и др. было предоставлено правильное понимание совершённого поступка. Всей присутствующей молодёжью принимается постановление, требующее исключения т. Медянкина из организации РКСМ и РКП и одновременно отозвать его от занимаемой должности. В отношении т. Клепенина собрание постановляет перевести его в кандидаты на 6 месяцев и прикрепить к сильной ячейке» [20].

Но даже после этого «дела», широко освещённого в местной прессе, подобные случаи повторялись периодически и вызвали общественное порицание среди молодежи. Комсомольцам, в чью обязанность входила атеистическая пропаганда, было нелегко перешагнуть через себя, изменить своим принципам, смотреть в глаза людям, которым только вчера объяснял всю лживость религиозных догм, а сегодня сам – уже «по ту сторону баррикад», «свой среди чужих – чужой среди своих».

«В семье не без урода», именно так назвал свою статью житель селения Ольгинское: «В нашем селении интенсивно ведётся антирелигиозная пропаганда. Одним из первых в этой работе начал активно участвовать член бюро ячейки РКСМ Батырбек Акиев. Он выступал на собраниях, митингах с речами, которыми умело разбивал религиозные оковы. Граждане внимательно его слушали. Верилось, что бросаемое им семя находит плодотворную почву и даст хорошие всходы. Но от великого до смешного один шаг. Так случилось и с нашим героем. День 8 июля разбил все надежды. Вступая в брак, он, неизвестно из-за каких соображений, обвенчался со своей невестой в церкви. В семье не без урода, так говорит мудрая пословица» [22].

Антирелигиозное воспитание в двадцатых годах стало неременным атрибутом клубной работы. Создавались специальные антирелигиозные кружки, которые фактически дублировали работу, проводимую марксистско-ленинскими и газетными кружками. В начале двадцатых годов в дни празднования Рождества комсомольские организации в целях антирелигиозной пропаганды устраивали специальные вечера молодежи в клубах, карнавальные шествия. Правда, учитывая этническую неоднородность Северной Осетии, не везде эти методы внедрялись: «Ввиду того, что религия имеет большие корни среди казачьего населения, на антирелигиозную работу станицы надо обратить самое большое внимание, ибо мы перед собой имеем опасность в использовании активности молодежи разными сектами. Нужно искоренить отрицательные стороны нашей антирелигиозной работы: карнавалы и т.д. Нужно усилить научный метод в этой работе» [26, д. 2, л. 72].

В этот период комсомол провёл широкую антирелигиозную «рождественскую» кампанию на улицах городов; со сжиганием богов, демонстрациями, факельными шествиями и т.д. При этом не были учтены отрицательные стороны проведения кампаний на улицах. В 1923 году комсомол взял линию проведения антирелигиозных мероприятий, только в стенах клубов, не выходя на улицу. А на следующий календарный год перед союзом молодёжи была поставлена новая задача, а именно переход от антирелигиозной пропаганды к распространению естественнонаучных знаний, и все мероприятия в указанный год проводились под лозунгом «умения комсомольцем объяснить своё безбожие» [4].

Помимо оздоровления масс трудящихся, физическому воспитанию отводилась также роль отвлечения молодёжи от отправления религиозных культов. «Если раньше мы увлекались показательной стороной безбожной работы и, наконец, уклонялись в сторону естественнонаучной пропаганды, то в 1925 году, в предстоящую “пасхальную” кампанию мы вносим довольно существенные изменения. Пасха в этом году должна пройти под лозунгом “борьбы за укрепление здоровья молодёжи”. Выполнение этой задачи, однако, нисколько не должно затушевывать и стереть антирелигиозного характера комсомольской пасхи» [Там же], - декларировал программу комсомола советский функционер Третьяков. Таким образом, антирелигиозная пропаганда должна была переплестись с популяризацией физкультуры.

В 1924 году появляется Союз безбожников (с 1929 года — Союз воинствующих безбожников (СВБ)) – добровольная общественная организация, ставившая своей целью идейную борьбу с религией во всех её проявлениях. В Северной Осетии отделение появилось в 1924 г. Было организовано 16 ячеек, в которых состояло до тысячи человек [2]. Несмотря на то, что внешне дело обстояло благополучно, на деле же СВБ в Северной Осетии сталкивался с множеством проблем в своей «работе». В сельской местности республики к весне 1925 года повсеместно создавались ячейки безбожников. Составлялись списки, выбирались руководители, ставились задачи, корректировались цели, назначались дни и место собраний и... на этом всё заканчивалось. На то было много объективных и субъективных причин. На комсомольских активистов и ответственных работников, составлявших Бюро организации, и без того ложилась слишком большая нагрузка, и они просто не успевали за многочисленными кружками и «уголками». Другими причинами можно назвать отсутствие методических пособий и «безбожной» литературы, а также отсутствие активности членов ячейки [13]. Сценарий деятельности «безбожников» был идентичен во всех сёлах республики. Начиналось всё с бравурных речей при аншлагах, потом одно, в лучшем случае несколько собраний, далее - кто-нибудь из членов ячейки пишет об отсутствии работы в организации в газеты, стенгазеты и журналы. Главный поток многочисленных писем принимала на себя газета «Власть Труда»: «Работа не началась» [Там же], «Безбожники уснули» [14], «Ау, Безбожники» [11], «Назначили и замолчали» [6], - такого рода заголовки можно было прочитать в газете, но самый интересный заголовок, который не требует комментариев, звучит так - «Беспризорные безбожники» [8].

После появления в печати такого рода статей, ячейки возрождались на непродолжительное время и снова уходили в небытие до следующих разоблачительных писем. Но такой ход событий можно назвать успешным, если сравнить его с процессом атеизации молодёжи в колонии Михайловской, расположившейся на правом берегу Терека в пригороде Владикавказа и населённом немцами Поволжье. Колония имела евангелическо-лютеранский приход, образованный в 1917 году. Религиозность населения была настолько сильна, что колония не имела на своей территории комсомольской ячейки, а об организации ячейки безбожников вопрос даже не поднимался. «Духовенство в колонии растёт и крепнет. С 1917 года у нас существует власть Советов, а просвещение крестьян движется медленно и в нашей колонии год от году становится не лучше, а хуже. Во всех деревнях организованы ячейки комсомола и ОДГБ, а в колонии их нет. В прошлом году была попытка организовать яч. РЛКСМ, но не осуществилась. Духовенство всю молодёжь колонии Михайловской привлекает в свои сети. Нигде в школах не проповедуются закон божий, а у нас в колонии проповедуются. Пастырь-учитель, духовный отец, уже завоевал 49 молодых девушек и ребят. Он сумел заманить на тёмную дорогу и устранить их с пути комсомольского ученья...» [12], - пишет один из жителей колонии. Были проблемы у безбожников и во Владикавказе, точнее, на его окраинах.

Недостаток атеистической литературы и компетентных людей в области богословия также не способствовали развитию движения безбожников. Дело доходило до комичных случаев, например, Владикавказская милиция опубликовала объявление с таким заголовком: «Требуется врач и безбожник» [15]. Во второй половине двадцатых годов в работе СВБ всё большую роль играют учебные заведения города. На профессорский состав ложилась обязанность атеизации своих студентов, которые в свою очередь прикреплялись к производственным и слободским ячейкам, а во время каникул проводили работу в сельской местности, в виде т.н. «вечеров вопросов и ответов». В это же время партийным руководством по республике была поставлена задача работы Союза безбожников среди нацменьшинств города Владикавказа и создания в их среде кружков безбожников [16].

В целом организация СВБ не пользовалась популярностью в Северной Осетии, вызывая у населения презрительное к себе отношение. Зачастую безбожники становились инициаторами разговоров на повышенных тонах с применением ругательств, а то и драк, в какой-то мере оправдывая свою «воинственность» [5; 7; 18].

Сделав упор в своей антирелигиозной работе на православие, власти упустили из виду представителей различных сект, которые развили активную деятельность в Северной Осетии. Прочно сектантство укоренилось во Владикавказе, в особенности на одной из окраин города, Молоканской слободке. Вплоть до середины двадцатых годов «забытый уголок Владикавказа», как называли себя зачастую жители слободки [23], не имел на своей территории советской инфраструктуры в виде различных учреждений, клубов, предприятий. Фактически советская власть отсутствовала на территории с населением около 10 тысяч человек, подавляющее большинство которых были крестьянами с традиционно-патриархальным укладом жизни. На Молоканке были представительства различных религиозных течений и сект, таких как молокане, баптисты, «сухие баптисты», субботники. Между данными религиозными группами практически никогда не встречались конфликтные ситуации, по сути, между ними существовал некий «кодекс чести», направленный на невмешательство в дела друг друга. Вот как обрисовывает данную ситуацию один из жителей Молоканки: «...Образуя отдельные общины, “духовные” отцы распространяют такие понятия, что каждый гражданин должен быть в какой-либо “партии”, а потому надо быть в “обществе...”» [7]. Несмотря на различия перечисленных организаций, наличие общего врага в лице советской власти, сближало их между собой. «Молоканка ожидает кончины мира в 1929 году по евангельскому откровению Иоанна. Она уже с математической и алхимической точностью вычислила, что цифра Иоанна – 666 есть ничто иное, как пришествие большевиков в образе антихриста Ленина... Они в восторге от своего изобретения» [13].

Советская власть воспринималась сектантами как проявление тёмных сил на земле, с которыми надо бороться по мере возможности. Несмотря на всю скудность таковых, стоит отметить, что у них это зачастую получалось. Так, в вопросе о религиозных представлениях молоканской молодёжи – члены общества «Безбожник» открыто заявляли о трудностях в своей работе, с которыми им приходится сталкиваться в этой части Владикавказа. «Когда заговорили насчёт слабых мест по фронту, и в частности, на Молоканке, то все хватились за этот участок. Несколько минут, и тактика со стратегией были готовы» [Там же]. Данная выдержка из статьи, опубликованная во «Власти Труда», датируется 7 декабря 1924 года. Пройдут годы, однако «тактика со стратегией» излучающего уверенность и преисполненного оптимизмом молодого «безбожника» А. Рубцова не дадут должного результата в рассматриваемый период.

Не помог в этом вопросе и процесс по делу Мальцева, одного из лидеров баптистского движения в республике, который был освящён местными средствами массовой информации. «В продолжение нескольких лет на заводе “Кавцинк” работал в качестве весовщика проповедник баптистов, он же секретарь общины и руководитель баптистского юношества, Александр Мальцев. Два года тому назад его судили за преподавание религиозного вероучения детям, которое он проводил под видом детских молитвенных собраний. Мальцев был приговорён к 1 году тюремного заключения условно. Не усвоив урока того процесса, Мальцев продолжает нарушать советские законы, а также продолжает свою провокационную деятельность по отношению к соввласти. 8 января он вторично предстал перед судом, обвиняемый в систематическом распространении провокации и злостном желании сорвать кампанию за поднятие производительности труда. Рядом свидетельских показаний доказано, что Мальцев в своих разговорах с рабочими постоянно указывал им, что зря они трудятся и стараются, ибо усиление выработки свинца увеличит возможность братоубийственных войн... Выяснилось также, что во время работы, не боясь отрыва рабочих от своей работы Мальцев проповедовал свои сектантские учения, трогательно соединив в своей рабочей книжке запись руды и запись “спасённых” им душ рабочих... приговор суда Горреспублики постановил: выселить Мальцева за пределы таковой сроком на 3 года» [3].

Более того, выдержав «оборону», сектанты приступили к «атаке», а именно занялись пропагандой своего учения за пределами своей слободки, с целью вовлечения новых адептов в лоно своей секты. «Секта баптистов с Молоканской слободки перекочевала было к нам на Курскую слободку. Отдельные представители этой секты всячески старались завербовать себе новых членов. То проповедью слезливой, то увещеваниями и прочим. Они ловят на свою удочку доверчивый молодняк. Многие старики и старушки охотно идут на эти собрания и тем увеличивают кадры вовлечённых в секту. Курская слободка мало реагирует на все эти проповеди, а поэтому “учителя” видят, что мало кого они могут завербовать, да и назад опять на Молоканку, там больше несознательного элемента – верующих...» [17].

Портрет североосетинского сектанта 20-х годов выглядел привлекательно. Зачастую, после того как молодой человек попадал в секту, он бросал курить, пить, хулиганить, развратничать, сквернословить. Этот факт руководители различных сект использовали как главный козырь при общении с комсомольскими лидерами, зная, что образ рядового комсомольца был зачастую очень далёк от идеального, и это является слабым местом РЛКСМ. Руководители комсомола не находили ничего лучшего как объяснять эту ситуацию тем, что комсомолец должен брать все радости в этой жизни, а не в следующей [24].

Стоит отметить, что сектанты Северной Осетии пополняли свои ряды не только «проповедью слезливой» и «увещеваниями», в их распоряжении были и другие действенные методы. Один из них вытекал из их устава, который запрещал связывать свою жизнь с человеком, не состоявшим в секте. Этот фактор приводил в секту немало людей. Бывали случаи, когда комсомольцы таким образом попадали в секту. Один из них был Киреев Иван, который: «...задумал жениться на Мясниковой и стал просить разрешения на совершение брака у общины. Община разрешила, и молодые были обвенчаны с соблюдением всех правил сектантских обрядов...» [19].

Секты, расположившиеся на территории Северной Осетии, вели активную деятельность среди молодёжи, успешно вовлекая её в свои ряды. Некоторые из них продолжают свою деятельность до сих пор, органично вписавшись в религиозный мир республики.

Несмотря на весь груз антирелигиозной пропаганды, население Северной Осетии двадцатых годов оставалось в своём большинстве религиозным. Ярким примером тому может служить появление во Владикавказе восьмидесятипятилетнего старца Дубовика, который жил милостынею. «Такие “чудеса” творились 18 мая, с раннего утра до вечера, на Владимирской слободке. Началось с того, что утром, по рассказам детишек, к зданию Пушкинской школы подошёл седой старик, весь в белом, окружённый детишками и стал говорить, что кровь будет течь, как Терек, что будет урожай хороший, а потом страшный голод, а самое главное, что пострадают, мол, больше всего матери пионеров, ибо пионеры очень ругают Христа. Старец дальше рассказал им, что он посланник Иисуса Христа, прилетел с неба и вот идёт дальше проповедовать тем, кто его ещё не видал и не слышал, а как зазвонят к вечерне, то он с ограды апшеронской церкви взлетит на небо. И пошла писать губерния. Одна баба к другой, соседка к соседу и вся слободка повалила в ограду церкви ждать полёта. Некоторые говорили, что “он” уже в ограде и кинулись искать. Все кусты перерыли, а “его” нет. Целый день на площади около церкви стояли толпы народа, а Михайловская и Владимирская улицы кипели» [10]. Появление загадочного старца всполошило весь Владикавказ, его появление отмечали в разных частях города [Там же], и везде он производил одинаковую реакцию у населения города, которое так нуждалось в Боге. По сути, Дубовика можно считать катализатором, показывающим реальное положение дел на «религиозном фронте».

Таким образом, у молодого человека в обстановке противоборства религиозной семьи и атеистического государства возникало много неразрешённых вопросов: «...С этими вопросами быта нам приходится сталкиваться в домашней обстановке, а ведь почти у каждого из нас отец или мать глубоко верующие люди. Как же нам быть в подобных случаях» [9], - задавалась резонным вопросом активистка комсомола Марина Пенкнович. Такие условия вынуждали молодёжь лицемерить и лгать, бросаться из одной крайности в другую в поисках своего места в жизни. По мнению современного российского историка А. А. Слезина, «...формировалось своеобразное новое “двоеверие”, раздвоение правовой психологии: человек публично говорил одно, а думал другое. На официальных мероприятиях все большее количество российских граждан демонстрировало свой атеизм. В быту же официальные запреты при первой возможности нарушались. В официальных речах выражалось одобрение решениям власти. Обыденное сознание было настроено если не решительно против, то, по крайней мере, неодобрительно» [25, с. 89].

Формы религиозности молодёжи в Северной Осетии были самыми разнообразными, начиная с православных и мусульман и кончая диковинными сектами, коих в республике было немало. Сектантские организации испытывали меньший гнёт со стороны государства, нежели представители мировых религий, особенно в первой половине двадцатых годов. И пока республиканские власти активно боролись с официальными религиями, тратя на это много энергии, у них выпали из поля зрения секты, которые стремительно набирали силы, крепнув финансовыми и людскими ресурсами. У некоторых крупных и сильных сект были даже свои юношеские и молодёжные организации, главной задачей которых было вовлечение как можно большего числа молодых людей в свои ряды.

Молодёжь Северной Осетии пребывала в неопределённом, подвешенном состоянии, отрекаясь от наставлений своих «биологических» отцов и не понимая замыслов отцов «духовных». На неё оказывалось сильное давление как с одной, так и с другой стороны. Системы религиозных обрядностей, передаваемые из поколения в поколение и имеющие одной из основных функций скреплять общество в целом и конкретную семью в частности, заменялись государством на новые «таинства», уже коммунистические. Такой мировоззренческий излом не мог пройти безболезненно для общества, и вечная проблема «отцы и дети» из категории философских дискуссий перешла в реальное противостояние между поколениями.

В большинстве случаев молодые люди не могли толком объяснить своё безбожие и неприятие религии, отделяясь фразами «так надо», «не верю и всё тут» и т.п. Неудивительно, что основными методами их борьбы с религией была грубая физическая сила: отобрать свечки у женщин, выхватить и разбить икону на свадьбе. Удивительно, что государство всячески пыталось разучить их молиться, а они из раза в раз расширяли себе лоб. Это только начало списка «художеств» комсомольцев и «безбожников», и хотя эти перегибы осуждались представителями молодёжных организаций, а виновники строго наказывались, репутации их наносился большой ущерб. После отчисления из рядов комсомола, лишившись своего статуса, бывшие комсомольцы зачастую пополняли ряды городских хулиганов, ведя себя подчёркнуто вызывающе. Они продолжали нести неприятности имиджу организации, воспринимаемые обществом как комсомольцы.

Итак, на долю молодёжи Северной Осетии 1920-х годов выпало немало испытаний, обусловленных сменой политического строя, что во все времена считалось неблагоприятным фактором для жизни, в особенности для молодого поколения. Молодёжь была вынуждена ткать свою картину мира на фоне прошедшей гражданской войны и последующего деления населения на «своих» и «чужих».

Список литературы

1. **Алиева Ф. А.** Русская Православная Церковь в Северной Осетии в 20-е гг. XX в. // Проблемы политической истории и политологии: сб. науч. тр. Владикавказ, 2008. С. 7-15.
2. **Власть Труда.** 1924. 7 декабря.
3. **Власть Труда.** 1925. 25 января.
4. **Власть Труда.** 1925. 14 апреля.

5. **Власть Труда.** 1925. 17 апреля.
6. **Власть Труда.** 1925. 23 апреля.
7. **Власть Труда.** 1925. 24 апреля.
8. **Власть Труда.** 1925. 8 мая.
9. **Власть Труда.** 1925. 20 мая.
10. **Власть Труда.** 1925. 22 мая.
11. **Власть Труда.** 1925. 30 мая.
12. **Власть Труда.** 1925. 3 июня.
13. **Власть Труда.** 1925. 11 августа.
14. **Власть Труда.** 1925. 8 сентября.
15. **Власть Труда.** 1925. 3 декабря.
16. **Власть Труда.** 1926. 31 января.
17. **Власть Труда.** 1926. 4 февраля.
18. **Власть Труда.** 1926. 25 марта.
19. **Власть Труда.** 1926. 4 июля.
20. **Горская Правда.** 1922. 28 декабря.
21. **Горская Правда.** 1923. 7 января.
22. **Горская Правда.** 1923. 12 июля.
23. **Горская Правда.** 1924. 13 января.
24. **Горская Правда.** 1924. 4 июня.
25. Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
26. **Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА ИПД РСО-А).** Ф. Р-22. Оп. 1.

**“BETWEEN HEAVEN AND EARTH”:
RELIGIOUS ASPECT OF THE NORTH OSSETIAN YOUTH’S LIFE IN THE 1920S**

Khachirov Soslan Soltanovich

*North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
palestinec1@mail.ru*

The author, having studied in detail the regional press publications of the 1920s, analyzes the youth’s religiousness level and its forms in North Ossetia, researches the first generation of the soviet youth, who grew up in religious families and the atheistic state, and also the ways of the influence of the latter on the youth, shows the diverse religious landscape of the republic during the period under consideration, and pays special attention to the anti-religious activity of Komsomol and the Atheists’ Union.

Key words and phrases: youth; religion; sectarianism; Komsomol; atheist; generation gap.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена изучению антропологических концепций К. Гирца и В. Тернера, раскрытию их теоретико-методологических подходов, которые отличаются целостным осмыслением человека. Обе концепции имеют синтетический характер, что позволяет совмещать весь спектр модусов бытия человека в единой системе анализа. Синтетический характер обусловлен пониманием человека через роль символов в его жизни, где символ определяет предельно широкое понимание человеческого мира. Обосновывается положение о том, что обе антропологические концепции, К. Гирца и В. Тернера, относятся к символической антропологии, поскольку ее ядро – символическая концепция человека – является для них общим.

Ключевые слова и фразы: символическая антропология; символическая функция; К. Гирц; В. Тернер; герменевтический метод; структурный метод.

Холох Елена Ивановна

*Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко, Украина
kholokh.lena@yandex.ua*

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ ЯДРО
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК К. ГИРЦА И В. ТЕРНЕРА[©]**

Для современной антропологии характерно пристальное изучение всех модусов существования человека, при этом ставится задача выявления основ человеческого бытия и прояснения его структуры. Поэтому происходит поиск новых теоретических оснований и исследовательских подходов в антропологии, которые способствуют целостному осмыслению человека. В этом отношении значительную эвристическую ценность имеют антропологические концепции К. Гирца и В. Тернера, сформировавшиеся в рамках символической антропологии.